

менности в области искусства, как его перевод истории Роллена был обвинительным актом рабской современности мелких людишек, забывших могучие образы свободных граждан древности. Не случайны и социальные оценки современного злоупотребления искусством: искусство отдыха и усад — это все образы, достаточно прямо говорящие о социальном круге, лишившем искусство его величия, круге придворной, вельможной знати.

Тредиаковский задумывался и более непосредственно над вопросом, каковы причины гражданского величия поэзии в древности и превращения ее в «конфеты» в его время — и он уяснил для себя этот вопрос. Гражданская функция поэзии требует демократии, свободы и возникает в обществе граждан; в обществе рабов поэзия блекнет. Он говорит об этом в «Рассуждении о комедии вообще», построенном на материале западных исследований греческого театра, — излагая историю античной комедии. Основа его эстетической доктрины и здесь — утилитарно-моралистическая. Речь идет о создании трагедии Эсхилом: «Первая причина ко всему тому есть токмо увеселение; но вторая, которая и цель есть трагедии, — любовь к добродетели и ненависть к порокам. Блажен народ, который для сего последнего смотрит представляемые трагедии». Затем явилась комедия. «Должность ее показывать на театре пороки и недостатки... осмехая оные; намерение ж — дабы исправить нравы» (характерен этот термин: «должность», т. е. долг в применении к искусству). Далее излагается история афинской комедии. «В области, где народ был властелином и обличал все, что имело вид честолюбия, отменности и плутовства, комедия сделала себе провозвестницею, исправительницею и такою советницею, которая способно могла преклонять народ. Не было никому пощады в городе толь вольном, или лучше своевольном,⁶ каков были Афины. Полководцы, градоначальники, правление, самые их боги, все было предано сатирической желчи пиитов». Затем, времена меняются, — при тридцати тиранах. «Сим тогда сатирическая вольность на театре стала быть неугодна. Причина сея неугодности сама собою мечется в глаза. Сии тридцать человек были тираны; демократия уничтожена; народ не имел больше участия в правлении; не мог уже он давать своих мнений о государственных делах, не смел оглашать ни сам собою, ни услугою пиитов дела своих господ». Комедия потеряла смелость, «грубость», приобрела хитрость и тонкость (это — средняя аттическая комедия), далее — лишенная гражданских прав комедия стала «выводить на театр вымышленных людей... и дела их, равным же образом вымышленные». Комедия эта достигла высокого художественного совершенства, но Тредиаковский не уважает ее, и именно по ее поводу приводит мнение Сент-Эвре-

⁶ Эта оговорка — насчет своеволия — едва ли не для цензуры и страха ради.